

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО: ДИАЛОГ С Н. ГОГОЛЕМ

Н. М. Заварницына

Самарский государственный институт культуры

Поступила в редакцию 11 апреля 2021 г.

Аннотация: в настоящей статье рассматривается образ «маленького человека» в новеллах С. Д. Кржижановского, выявляются особенности художественного мира его произведений. Автор обращается к экзистенциальным основам творчества писателя. Целью статьи является исследование концепции «маленького человека» Кржижановского в контексте сопоставительного анализа элементов его произведений и текстов Н. Гоголя.

Ключевые слова: «маленький человек», экзистенциальность, «прозванный» гений, гоголевская традиция, литературный текст, одиночество и отчужденность, фантасмагория, человек и вещь.

Abstract: this article examines the image of the "little man" in the novels of S. D. Krzhizhanovsky, reveals the features of the artistic world of his works. The author addresses the existential foundations of the writer's creativity. The purpose of the article is to study the concept of Krzyzanowski's "little man" in the context of a comparative analysis of elements of his works and N. Gogol's texts.

Keywords: "little man", existentiality, "missed" "genius, Gogol's tradition, literary text, loneliness and alienation, phantasmagoria, man and thing.

Имя Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950) недостаточно хорошо известно современному читателю и исследователю. В силу идеологических причин его творческое наследие стало доступным для отечественных литературоведов только в последние десятилетия XX века. В конце 1980-х — начале 1990-х годов были переизданы сборники произведений писателя. Поэтому исследовательский интерес к различным аспектам творчества С. Кржижановского появился лишь на рубеже XX–XXI веков. Любопытной видится концепция «маленького человека» в мировоззрении писателя, занявшая особое место в художественном мире «прозванного» гения эпохи.

Образ «маленького человека» традиционен в литературе — он создан гениями А. С. Пушкина («Станционный смотритель», «Медный всадник»), Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Бедные люди» и др.), А. П. Чехова («Смерть чиновника», «Дама с собачкой» и др.), Ф. Кафки («Превращение», «Процесс» и др.). Особое звучание тема «маленького человека» получила в творчестве Н. В. Гоголя — в хрестоматийной повести «Шинель». Само понятие «маленький человек», сформированное В. Г. Белинским, прочно вошло в контекст русской классической литературы, и с середины XIX века «маленький человек» становится излюбленным образом многих писателей. «Маленький человек» и сегодня пробуждает чувство искреннего сострадания к людям — обделённым, обиженным, «униженным и оскорбленным» судьбой, обществом.

«Маленький человек» Кржижановского прочно ассоциирован с гоголевским и кафкианским — он замкнут в мире собственных комплексов и страхов, события жизни и судьба персонажа predetermined; герой доведен до отчаяния — и не способен к действию. При этом это особый социально-психологический тип, человек, ощущающий свое бессилие и ничтожность. Порой он способен на слабый протест. К бунту «маленького человека» всегда ведет жизненная катастрофа, но исход протеста — безумие, смерть. Герои Н. В. Гоголя сходят с ума или погибают в неравной борьбе с жестокой действительностью.

Человек и нечеловеческие условия его общественного бытия — главный конфликт, лежащий в основе петербургских повестей. При первом прочтении (не берем во внимание прием «айсберга» и неоднозначность авторской иронии) пафос Н. Гоголя сводится к выражению негодования против трагической неукорененности героя в жизни, против бесчеловечности среды, общества. Сходные философские идеи и традиции в создании образа «маленького» человека мы находим в творчестве С. Д. Кржижановского.

Для мироощущения С. Д. Кржижановского принципиально значимыми были мотивы одиночества и отчужденности. Автор умело оперирует словом, развивая эти мотивы в своем творчестве: текст превращается в некую интеллектуально-театральную игру с читателем, перерастающую в неотделимый от «театра жизни» интеллектуальный театр, где бытие подчинено сознанию. В пореволюционную эпоху человек остро ощущает враждебность мира, недостижимость гармонии ни в реальности, ни за ее

пределами. Трагическое авторское сознание обнаруживает черты принципиальной неразрешенности.

Гротесковые образы и ситуации смыслово сопряжены с возникшим позже с «театром абсурда». У многих героев писателя отмечается ощущение неукорененности в жизни, потери «почвы» под ногами, «подвешенности» между жизнью и смертью, небытием («Квадратурин», «Смерть эльфа», «В зрачке»). Человек больше не венец творения, мир враждебен ему, а гармония не достижима ни в реальности, ни за ее пределами, так как само существование упорядоченного вечного начала ставится под сомнение. Отечественные литературоведы в качестве предшественников писателя в разработке многих тем называют Э. По, Э. Т. А. Гофмана, Дж. Свифта, Вольтера, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. В. Гоголя.

Художественный мир Кржижановского пронизан философией, ориентированной на гуманистический идеал, который — как в художественной реальности, так и во внехудожественной — не достижим.

По мнению В. Г. Перельмутера, в творчестве Кржижановского «фантастически преломляется богатая противоречиями и парадоксами жизнь первого революционного десятилетия; сатирическая гиперболлизация изображения доходит до гротеска» [6, 19]. Поэтому, в частности, говоря о современной Москве, автор осмысливает, воспринимает ее как некую нереальную действительность, как особое искаженное зеркальное сценическое пространство: «Город, из которого я еще не выслан <...> — это не город вещей, а город из отражений... все их вещи — тени моих теней» [Цит. по: 11]. Писатель создает особую модель мира — мира зеркальных сущностей, где всё, скорее, воспринимается как фикция — своеобразное ощущение призрачности, зыбкости бытия.

Образ Москвы Кржижановского создает устойчивую ассоциацию с Петербургом Н. В. Гоголя. Петербург поражал Гоголя глубокими общественными противоречиями, трагическими социальными катастрофами. По Гоголю, Петербург — город, где человеческие отношения искажены, торжествует пошлость, а таланты гибнут. Это город, где, «кроме фонаря, все дышит обманом». Именно в этом страшном, безумном городе нет жителя бедному Акакию Акакиевичу. Герои Гоголя сходят с ума или погибают в неравной борьбе с жестокой действительностью.

Человек и нечеловеческие условия его существования — главный конфликт, лежащий как в основе петербургских повестей Гоголя, так и в основе многих произведений С. Кржижановского.

Кржижановский наследует традиции Гоголя в создании образа «маленького человека». В этом смысле интересна новелла «Квадратурин» (1926). Герой произведения — некий Сутулин (говорящая фамилия — сутулость — художественный «признак» маленького человека; сутулость интерпретируется как сосредоточение на внутреннем мире, как сим-

вол одиночества, а также прочитывается и в аспекте давления сверху).

У Сутулина, живущего в небольшой комнатке, есть заветная мечта — расширить свое жилище. Незнакомец приносит ему «средство для рращения комнат». В прилагаемой инструкции разъясняется: «Разведя квадратуриновую эссенцию в пропорции чайная ложка на стакан воды, смочив получившимся раствором кусок ваты или просто чистую тряпочку, смазывают ею внутренние стены комнаты, предназначенные к разрушиванию. Состав не оставляет никаких пятен, не портит обои и даже способствует — попутно — выведению клопов» [8, 451]. Сутулин обмазал жидкостью свое жилище, следуя инструкции. Комната начинает расти. Сначала героя это радует, потом пугает, поскольку рост не прекращается.

Изначально восьмиметровая комната Сутулина вызывает в памяти похожую более «на шкаф или на сундук» каморку Родиона Раскольникова [5, 62]. Ассоциация усиливается за счет высоты стен: «Это была крошечная клетушка <...> до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и всё казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок» [5, 126]; «Не раздеваясь, Сутулин присел на табурет и оглядывал свой просторный и вместе с тем давящий сверху гробовидный жильевой короб, стараясь понять причину неожиданного эффекта. Тут он вспомнил, — ведь потолок остался несмазанным: эссенции не хватило. Жилкороб расползлся только вбок и вдоль, ни на дюйм не подымаясь кверху» [8, 455]. Дополнительным штрихом оказывается и цветное совпадение: «желтенькие» обои в комнате Раскольникова и занавеска «канареечно-желтого цвета», купленная Сутулиным.

Финал новеллы прописан почти по-гоголевски: комната, разросшись до размеров бесконечности, поглощает, убивает своего жильца. «Он знал, что там, за спиной, расползшееся черными углами мертвое оквадратурированное пространство. Знал и не оглядывался. <...> Он шел — шаг к шагу, шаг к шагу — с пальцами, протянутыми вперед, и не находил ничего: ни узла, ни крючьев, ни даже стен. “Дойду же наконец. Должен же дойти”. Тело облипло холодом и потом. Ноги странно выгибались. Человек присел на корточки, ладонями в доски пола: “Не надо было возвращаться. А так — одному, как стоишь, начисто”. И вдруг ударило: “Жду тут, а она растет, жду, а она...”» [8, 460].

Квартирный вопрос, столь остро стоявший именно в начале 1920-х гг., сопряжен в новелле с темой одиночества, потерянности человека в мире. Через язык «вещей» — как у Гоголя, через игру с пространством писатель раскрывает ничтожность человека, трагическую неспособность его противостоять окружающему миру. (У Гоголя-реалиста прямое противостояние «человек-общество», у Кржижановского — то же противостояние, но через метафоры

и символы). Пугающую изменчивость пространства, его агрессию по отношению к субъекту отмечает и Е. Е. Бирюкова: «Автор, играя масштабами, показывает духовное восхождение героя к подлинной сущности мира через уменьшение, физическое самоумаление. Персонажи рассмотренных рассказов открывают собственную ничтожность, “страдательность” и неумолимое в экзистенциальной глухоте бытие» [1, 19]. Здесь возникает диалог с тезисом И. Канта о непознаваемости мира — через демонстрацию чуждого, непонятного пространства, которое неподвластно сознанию героя и которое его, в конце концов, поглощает. Несомненно, подобные мотивы перекликаются с биографией Кржижановского, он сам долгое время обитал в подобной «квадратурке» в шесть квадратных метров, сочиняя и надиктовывая машинистке свои новеллы [См.: 2, 9, 10]. Таким образом, тема маленького человека у Кржижановского, как и у Кафки, — экзистенциальной природы.

Герой в новелле будто оказывается заживо погребенным в «коробке» комнаты. При этом Кржижановский, как и Гоголь, доводит происходящее до парадокса, пробует дойти до предела в движении мысли, точнее, в реализации мечты героя — увеличить комнату.

В «Квадратурине», как и в некоторых других произведениях писателя, уравнивается человек и вещь; человек наделяется свойствами объекта действия, а вещь — субъекта — так же, как у Гоголя. Концептуально человек у Кржижановского — объект воздействия; персонаж пассивен или его действия бесплодны, поэтому фабульно-сюжетные ситуации у Кржижановского, как правило, неразрешимы. Активность сохраняют только фантастические персонажи; человек же бессилён перед лицом вторжения inferнальных сил.

Герой Кржижановского — Сутулин — типичный «маленький» человек — одинокий, неуверенный, лишенный надежной опоры, поглощенный в конце-концов пугающим своей неизвестностью пространством. Тема «маленького» человека у Кржижановского сопряжена с темами одиночества и дисгармоничности мира и находит преломление в ряде других произведений, в частности, в новелле «Автобиография трупа», где угадываются гоголевские приемы и средства создания образа героя.

В «Автобиографии трупа», по мнению В. В. Горошниковой, воспроизведена экзистенциальная онтология Кржижановского, где черты бытия проступают через противостояния жизни и смерти [Подробнее см.: 4]. «Революция <...> это не междоусобие красных с белыми, зеленых с красными, не поход Востока против Запада, класса против класса, а просто борьба за планету Жизни со Смертью. Или — или» [7, 535].

Автор предлагает вниманию читателя игру со временем, прибегая к излюбленному приему рассказа в рассказе. В центре новеллы находится

письмо в будущее, исповедь человека, спланировавшего и осуществившего самоубийство. Автобиография адресуется следующему постояльцу комнаты, в которой жил «труп». «Труп» «проигрывает» адресату собственную жизнь, преследуя специфическую цель: «мне издавна мечталось после всех неудачных опытов со своим “я” попробовать вселиться хотя бы в чужое. Если Вы сколько-нибудь живы, мне это уже удалось» [7, 541]. То, как точно угадывает главный герой личность получателя своей автобиографии («Вы — провинциал, ведь такие комнаты выгоднее сдавать приезжим, не знающим местных обстоятельств и газетной хроники; конечно, Вы приехали “завоевать Москву”; в Вас достаточно энергии, желания “строиться”, “пробить себе дорогу”, короче, в Вас есть то особое уменье, которого никогда не было во мне: уменье быть живым»), подчеркивает актуальную для писателя идею сосуществования различных временных пластов: «точно расчисленное будущее мыслится как некая осуществленность, то есть почти как прошлое» [7, 511].

Герой Кржижановского в очередной раз оказывается в экзистенциальном тупике, он наделен «катастрофическим» мироощущением, когда бытие грозит обернуться небытием, а жизнь заменяется пребыванием в пространстве смерти. Бесспорно, произведения С. Кржижановского имеют другую философскую и политическую направленность, нежели произведения Гоголя, но экзистенции героев-«маленьких» людей имеют одну природу. Художественные цели писателей разнятся, но в центре внимания остается Человек, его судьба и мироощущение в равнодушном и жестоком мире. Созданные писателями образы «маленьких» людей разные. Желания и мечты Акакия Акакиевича до крайности мелкие и убогие. Герой Кржижановского ближе к герою Ф. Кафки, он гораздо глубже Башмачкина, его душевная организация очень тонка. Однако он так же, как и Башмачкин, не способен противостоять жестокости общества и мира в целом, но персонаж Кржижановского идет на крайнюю меру — самоубийство (может быть, это попытка протеста, хотя это вопрос спорен; у Гоголя тоже только мертвый Акакий Акакиевич способен на бунт и месть).

Произведения С. Кржижановского, как уже отмечалось, во многом автобиографичны, писатель передает глубоко личные рефлексии на события пореволюционной эпохи — отсюда и несколько иной герой: акцент, в отличие от Гоголя, автор делает на остротности и одиночестве «трупа». «Труп» признается, что дошел до предела одиночества, когда остался не только без других, но и без себя. Он считает, что давно исчез. Однажды в канун смены властей во время очередного пересмотра вороха старых и новых удостоверений личности герой обнаруживает пропажу личности: «Удостоверений — кипа. Личность

затерялась. Ни экземпляра. Сначала мысль: так, случайный просмотр. Но и после вторичной тщательной проверки — бумажонка за бумажонкой — всего исштемпелеванного хлама личность так и не была обнаружена. Я ждал этого: чем чаще меня удоставляла, тем недостовернее становился я самому себе <...> Чем чаще разрезжающиеся ремингтоновские строчки уверяли меня номером, росчерками подписей и оттиском печати, что я действительно такой-то, тем подозрительнее становился я к своей «действительности», тем острее чувствовал в себе и такого и этакое. <...> От штемпеля до штемпеля чувство себя никло: «я» и «я» — полу-«я», еле «я», чуть-чуть «я» — стаяло» [7, 511].

Из воспоминаний путешественника, посетившего Россию в начале XVI в., он узнает, что название страны в переводе с арамейского означает «разбрызганная по каплям». Это символизирует бесконечное одиночество — в душах многих-многих людей — это болезнь целого века: «Именно среди нас, из поколения последышей, возникает философия «о чужом я»: не мое «я» мыслится чужим и чужеродным, непревратимым в «ты». Люди-брызги не знают ни русла, ни течения. Для них меж «я» и «мы» — ямы. В ямы и свалились одно за другим поколения социальных оторвышей. Остается зарыть. И забыть» [7, 527]. Слушая разговоры на улицах, герой понимает, что «истечение души» — не у него одного.

«Разбрызганная по каплям» страна — страна, утратившая «целостность»: связи с прошлым, единый «центр» (в идеологическом и религиозном плане). Так С. Кржижановский подходит к теме дисгармоничности мира.

Гоголь был одним из первых, кто открыто и громко заговорил о трагедии «маленького человека», уважение к которому зависело не от его душевных качеств, не от образованности и ума, а от его положения в обществе. Так «затаптывается» человеческая личность. Она теряет достоинство, ведь человек не только других оценивает по внешним признакам, но и себя. Важно то, что Гоголь пытается наказать обидчиков Башмачкина, Кржижановский же «убивает» своего героя, не видя выхода для «трупа», потому его новелла, как и многие другие, оставляют у читателя чувство беспредельной тоски и безысходности. Но может быть именно здесь и проходит грань между гениальностью Николая Васильевича

Гоголя и талантом Сигизмунда Доминиковича Кржижановского, ведь по-настоящему великий писатель не только создает образ и задает вопросы, но и намечает ответы на них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Е. Е. Поэтика хронологического парадокса в русской прозе 1920–1930-х годов: П. Романов и С. Кржижановский: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Е. Бирюкова. — Самара, 2006. — 20 с.
2. Бовшек А. Глазами друга (материалы к биографии С. Д. Кржижановского) / А. Бовшек. — Режим доступа: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0320.shtml
3. Гоголь Н. В. Петербургские повести [Текст] / Н. В. Гоголь. — М.: Сов. Россия, 1984. — 84 с.
4. Горошников В. В. Экзистенциальная проблематика прозы Сигизмунда Кржижановского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Горошников. — Ярославль, 2005. — 19 с.
5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман в шести частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский. — М.: Просвещение, 1982. — 480 с.
6. Кржижановский С. Д. Воспоминания о будущем: избр. из неизданного / С. Д. Кржижановский; сост., вступ. ст. и примеч. В. Г. Перельмутера. — М.: Моск. рабочий, 1989. — 463 с.
7. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Чужая тема / С. Д. Кржижановский. — СПб.: Симпозиум, 2001. — 688 с.
8. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 5 т. Т. 2. Клуб убийц букв. Возвращение Мюнхгаузена. Материалы к биографии Горгиса Катафалаки. Воспоминания о будущем. Чем люди мертвы / С. Д. Кржижановский. — СПб.: Симпозиум, 2001. — 704 с.
9. Молева Н. Легенда о Сигизмунде Первом / Н. Молева. — Режим доступа: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0320.shtml
10. Перельмутер В. Г. Когда не хватает воздуха // С. Кржижановский. Возвращение Мюнхгаузена. — М.: Худож. лит., 1990. — С. 3–18.
11. Фуфлыгин А. «Не вовремя» Сигизмунда Кржижановского / А. Фуфлыгин. — Режим доступа: <http://www.belousenkolib.narod.ru>
12. Цивьян Т. В. «Состязание певцов» С. Кржижановского: словесная версия звукового пейзажа / Т. В. Цивьян // Проблемы поэтики языка и литературы: материалы межвуз. науч. конф., 22–24 мая 1996 г.: Памяти Я. И. Гина. — Петрозаводск: Изд-во Карел. гос. пед. ун-та, 1996. — 159 с.

*Самарский государственный институт культуры
Заварницына Н. М., кандидат филологических наук, декан театрального факультета, доцент кафедры философии и филологии, доцент
E-mail: zavar@smrgaki.ru*

*Samara state Institute of culture
Zavarnitsina N. M., Candidate of philological Sciences, Dean of the theatre faculty, associate Professor of philosophy and Philology
E-mail: zavar@smrgaki.ru*